

Мой белый ангел

Когда восток торжественно и чисто
Омоет стекла и отступит мгла,
Я слышу, просыпаясь, как со свистом
Мой ангел расправляет два крыла!

Не знаю, как у вас, а я не скрою —
Где б ни был я, верша свои дела,
Я слышу — шелестят над головою
Моей два белых ангельских крыла.

Мой белый ангел... Сколько нужно воли
Следить за мною в сутолоке дня
Только затем, чтоб защитит от боли
Крылом незащищенного меня?

Мой бедный ангел... Сколько же терпенья
Тебе природа высшая дала,
Коль стрелы все, все острые каменья
Ты принимаешь на свои крыла?..

А по ночам, когда в полях туманы,
И звездный мир справляет торжество,
Я преданно зализываю раны
На крыльях окровавленных его.

Бабье лето

1

Сухим и желтым мягко наплывая,
Сентябрь поднимает на крыло
Касатых, и они, за стайей стая,
Косым углом уходят за село,

Где нынче столько золота взойшло,
Что на токах от края и до края
Стоит работа славная такая,
Такое, понимаешь, ремесло,

Что зиму всю мне после будут сниться
Обветренные лица и пшеница
В курганах на расчищенном кругу,
Осколки неба синего, сухого,
Летающее золото половы
И золотые бабы на току.

2

И золотые бабы на току,
Подолы подоткнув, косынки туго
Стянув узлами, бедрами упруго
Раскачивают жаркую тоску,

Понятную любому мужику
Настолько, что сентябрьская округа —
От риги до сверкающего луга,
Где серый кобчик дремлет на стогу —

Притихла так, что слышно паутину.
Не потому ли бабам половину
Сентябрь отдал, что, пробуя на вес,
Они, слегка на икры приседая,
Подкидывают золото Алтая
Лопатами до выжженных небес.

3

Лопатами до выжженных небес
Подкидывая золото Алтая,
На загорелых икрах приседая,
Они сентябрь пробуют на вес:

Хорош! Хорош! А после под навес
Садятся в тень, ложбины проминая
В курганах золотых, и, распрямляя,
Обутые в сандалии и без,

Красивые, упругие, литые,
На золотом такие золотые,
Такие ноги, что прости, Господь,
Но если, правда, женщина святая,

То почему она живет, рыдая...
Ты только дай мне робость побороть.

Ты только дай мне робость побороть,
И рядом сесть, и воздухом горячим
Омой глаза, и, если был незрячим,
Дай зренье мне, чтоб золотую плоть

Запомнить смог; вложи перо в щепоть,
Чтоб где-то после в поиске бродячем
Я этот день причислил к тем удачам,
Что только раз случаются, Господь;

Чтоб помнил, как они в какой-то муке,
В минутном сне заламывая руки,
Вбирают в грудь сентябрьский настой,
Как под телами их плывет пшеница,
И лица их, ты понимаешь, лица,
Покрытые пыльюю золотой.

Покрытые пыльюю золотой,
Они в село спускаются под вечер,
И в хатах темных зажигают свечи,
И кормят нас картошкой простой

Да варенцом; а он такой густой,
Что мы не видим, как они у печек
В тазах с водой, постанывая, лечат
Те золотые ноги... Боже мой,

Сентябрьская ночь так коротка,
Что не успеет занеметь рука,
Как вновь светло; ворота раскрывая,
Коровьим духом полнятся дворы,
И солнышко встает из-за горы,
Сухим и желтым мягко наплывая.

Кони Клодта

Пропахший камышами и туманом,
С батонем в сумке и пустым карманом,
Счастливый, как Колумб, открывший Новый Свет,
Покинув мир скрипучего вагона
И примеряя зыбкий свет перрона
К своим плечам, я вышел на проспект.

На всех домах сверкало и блестело!
(Наш председатель за такое дело
Электрика уволил бы давно.)
Но Невский был раскрашен и расцвечен,
И каблучки стучали в этот вечер,
Как тысячи костяшек домино.

Я шел — не знал куда, но знал — откуда,
И верил я — должно свершиться чудо,
Оно меня нашло на мостовой —
Какой-то парень с мышцами атлета
Держал коня, а тот в потоках света,
Подняв копыта, замер надо мной!

Как будто бы в ночном, в степи Алтая,
На задние копыта приседая,
Не ощущая тяжести узды,
Он пляшет у костра в туманном дыме,
Огромный!
И передними своими
Копытами касается звезды!

Был этот конь так хорошо сработан,
(Наверно, скульптор конюхом работал!)
И я надолго замер у коня,
Дивясь его забронзовевшей силе.
А люди воздух рвали и месили,
Толкались и ворчали на меня.

Но я не замечал их недовольства.
В моей породе есть такое свойство —
Стоять и удивляться на виду...
И думал я, стирая пот с ладоней,
Коль в городе живут такие кони,
То я, наверно, здесь не пропаду.

2

Все несутся! Шальное отродье!
С опаленною зноем губой.
Я запутался в ваших поводьях
Всей своей непонятной судьбой.

Голубые гривастые звери!
Мост Аничков — родное село!
Подойду, засмотрюсь и поверю,
И услышу, как скрипнет седло.

Только скрипнет и — все! И — погнали!
Берегитесь подков, «жигули»!

Вы такое видали едва ли,
Да и где бы увидеть могли?

На Дворцовой? Так это не кони,
Они ходят все дни в поводу,
На таких не умчишь от погони,
И подковой не выбьешь звезду.

А для этих — все звезды под ноги!
Унесут, растворятся во мгле,
Даже если не будет дороги,
Даже если я мертвый в седле.

Унесутся! Хоть к Господу-Богу!
На кровавых губах унесут!
Потому что иначе не могут,
Потому что я знаю — спасут...

Я не верю в судьбу, не пытаю судьбу.
Вот еще один год — словно сажа в трубу!
Это кто ж кочергою там угли ширяет?
Распахнул поддувало, а тяга сильна!
Из трубы в черном космосе дырка видна:
Не в нее ли однажды душа отлетает?

Бросит грешное тело, как житель избу,
Пролетит вместе с хлопьями сажки в трубу
И, наверно, испачкает саван Господний.
И к созвездию Рака, поскольку я — Рак,
Поспешит, огорчаясь: «Ах, парень-дурак,
Сдох бы раньше, дорога была бы свободней.

А теперь сколько их — Близнецы да Тельцы...
Жили-были, и вот обрубили концы...»
Я не верю, что души цепляют друг друга.
Я не верю, что тесно в космической мгле:
Космос — это простор, это не на земле,
Где мы вброшены в круг и не выйти из круга.

Я не верю в судьбу, я ее не молю,
Я ножовкою обруч мой ржавый пилю,
Да смотрю на песок и листки обрываю.
И на мир, что во мне, предъявляя права,
Я пишу на стене золотые слова
И строку самогоном крутым запиваю...

Ой, ты, Боже еси, призови и спроси:
Сумасшедшие есть ли еще на Руси?..
Я отвечу, что есть, потому что я знаю.
Потому что я вижу — в таком же окне
Тусклый свет, значит, кто-то и там на стене
Пишет слово и пропасть обходит по краю.

Да случится!
И станет, и будет спасен,
А не просто летучим песком занесен,
И другой, и еще, и совсем неизвестный.
Значит, тем и живем, значит, и потому,
Раздвигая руками тяжелую тьму,
Мы однажды пройдем над грядущею бездной.

Я молодой поэт. Мне пятьдесят.
Пью молоко и сплю на сеновале.
Держу корову, пару поросят
И ульи прячу на зиму в подвале.

А что! А почему бы и не жить!
Ходить в кирзе, промасленной фуфайке,
Рубить венцы, налимов потрошить,
По вечерам играть на балалайке,

Смотреть звезду, внимать иным мирам,
Грызть семечки не хуже маслобойки,
И квасом похмеляться по утрам
После веселой дружеской попойки.

А иногда чинить карандаши,
Сдуть с тетради слой тяжелой пыли,
Чтоб мысли о бессмертии души
Мою, еще живую, не томили.

Грузди белые, как блюдца,
Подойдут, в сапог упрутся,
Дождевой росой полны.
Под любой такой холеный —
С луком, с маслицем, соленьи! —
Забуреет полстраны.
Дышит лес туманом влажным.

Вдаль гляжу из-под руки —
В гамаках висят, вальяжны,
Золотые пауки.

Зубы скалят, пуза чешут,
Солнце ждут, а наверху
Две сороки ладно брешут,
Сочиняют чепуху.

«Вот идет медведь горбатый!
Злой медведь, большой, седой...»
Что — медведь, я сам сохатый,
В сапогах и с бородой!..

Бурый вереск, небо сине,
Пней нахмуренные лбы...
Я люблю тебя, Россия,
В том числе и за грибы!

Через павшую лесину
В гущу лезу, бью росу.
Грузди валяются в корзину:
— Унесешь ли?
— Унесу!

По лезвию каленой стали
Стекла роса и рассвело,
И кони у колоды встали
И задышали тяжело.
А на поляне, под березой,
В рассветной дымке голубой,
Задерганный колхозной прозой,
С отвисшей мокрою губой
Стоял Гнедко. Не шевелился.
Один. Понур. Мослы... бока...
Казалось — он сюда явился
Из бронзы и стоит века,
Как памятник суровый — быту,
Тоске, налитой по края,
Уздечке старенькой, копыту,
Косматым лентам из репья.

Урожай

С золотым тугим зерном
Поезда идут на запад.
Грай ворон над полотном.
Дыма шлейф.
Пшеничный запах!..

Понимая груз по звуку,
По скрипению осей,
Я внизу хожу по лугу,
Я пасу своих гусей.

Гарь летит,
Вода рябит,
Паровоз в трубу трубит,
Над закатом белый облак
Красным золотом подбит!

А когда, идти устав,
Остановится состав,
Сквозь бурьян наверх по склону
Подбегу с мешком к вагону,
Сыпану в мешок зерна —
Не ругай меня, страна!

Шито-крыто, нет погони...
Над водою, над ручьем
Гусь берет зерно с ладони
И гогочет ни о чем.

Он гогочет ни о чем,
Он не знает что почем,
Что из всех гусей окрест
Только он пшеницу ест.
Хорошо ему, гусю,
Что не знает правду всю...

Восходит солнце, на бугре садится,
Откидывает жаркую полу,
И золотым лучом, как тонкой спицей,
Проводит по оконному стеклу.

И в тот же миг окно течет росой,
И мне уже не спится. Не до сна!
Я половицу шупаю босою
Ногой и половица холодна.

Крыльцо дымится утреннею влагой,
Озноб, входя неслышно под ребро,
И дрожью, и веселою отвагой
Перепополняет детское нутро.

А дом уже живет, шумит и дышит.
Коня в оглобли пятят, ехать чтоб,
И, встряхивая шаль, на влажной крыше
Урчит сизарь и раздувает зоб.

Летит солома, взрытая щенками,
Отец седёлку на коня кладет,
И кто-то осторожными руками
Меня берет и через жизнь ведет.

Все тусклей становилась небес бирюза,
Все темнее тревожные мысли,
И когда глаукома доела глаза,
Он купил себе краски и кисти.

Он садился к столу, он свечу выключал,
И на чистом четвертом формате
В правом верхнем углу звездный свет намечал,
И светлело от звездного в хате.

И ложились мазки, и ясел его взор,
И по древним оврагам и склонам
Краски жизни текли, заполняя простор
Голубым, золотым и зеленым.

Встречай меня, Батый

Который год сюда не дуют злые ветры,
Сюда идут стада — не воинская рать.
От Бийска до степей монгольских километры,
От сердца моего — всего рукой подать.

Я в горы поднимаюсь, я опускаюсь в долину,
Костер поможет мне увидеть сотни лиц.
— Встречай меня, Батый! Я тоже ем конину,
И также пью кумыс алтайских кобылиц!

Мы больше не враги, союз наш крепко смочен
Кровавою слезой близ русских берегов.

Мой узкий глаз остер, но ножик мой заточен
Для мирного труда, не более того.

Семь прожитых веков для вечности ничто ведь,
Они ушли за край, распались в темноте,
Нам нечего делить, нам незачем злословить,
Земля уже не та и мы с тобой не те.

Отстроена Казань — не сдвинешь, не уронишь...
И, нынче у шатра, где ем твое и пью,
Я знаю: коль усну — ты мой кадык не тронешь,
И если ты уснешь, тебя я не убью.

Опять ты, моя узкоглазая родина,
Полощешь в рассветных озерах зарю,
Где я, пробираясь тяжелыми бродами,
Дышу камышами и гнезда зорю.

Утиные гнезда в утиных осоках...
Летающие гуси в белесый туман...
Грачей паруса на березах высоких...
Кормушка ондатры и ржавый капкан...

Куда мне от этого спрятаться-скрыться,
В каком заповедном безлюдном краю?..
И воду я вновь наливаю в корытце,
Зерно рассыпаю и лошадь пою.

А солнце слепит так, что можно заплакать!
А воздух такой — не устанешь дышать!
Колесные втулки и «окать» и «акать»
Начнут, и Гнедую уже не сдержат.

И снова дорога, и снова проселки...
Размерена жизнь, как размеренный бег!
И ветер стволами потертой двустволки
Такое поет — не забудешь вовек...

И если печаль по отчизне привольной
Опять подступает и душит тоска,
Я гулкую ноту той песни двуствольной
К строке примеряю, и дышит строка.

Прошла молва, что в ссылке умер где-то
Какой-то Мандельштам. Ни клина, ни гвоздя
Он вбить не мог, но мог легко при этом,
На точки и тире переходя,

Войти к неправде, пиджаком гордился
От швей московских...
В рваных башмаках
Он у Кремля споткнулся и разбился.
И сам себя на собственных руках

Переволок через хребты Урала,
Еще не зная, что его строка
Уже жила и силы набирала,
Шатая берега и облака.

Всё так же не до сна, всё те же корабли,
И Шуберт над водой на струнной вертикали...
Суровая земля. Шестая часть земли.
Цусимы голоса, стачкомы на Урале.

Поленницы, дрова... О речке о Второй
Не зная, сладко жить с ириской за щекою.
Ни первой нет войны, ни финской, ни второй,
И шапка в рукаве, и счастье под рукою...

Его слова и речь, что скажет он потом,
Теперь нашел и я. С печалью пилигрима
Я повторяю их уже бескровным ртом,
И привкус познаю несчастья и дыма

Затем, чтобы затем всё передать другим,
Бредущим за Можай, куда-то в свой воронез,
Таким же, как и он, бездомным и нагим,
Которых не убьешь, не захоронишь.

Это тонкое чувство — желтеет листва.
И легко, и щемяще опять непогода,
На отмеренный срок предъявляя права,
По-хозяйски стучит у тесового входа,

Нагребает в углы тополевою медь,
Провода телеграфные крутит и с воем
Забирается в трубы. Пытается петь.
Это песня тоски!

Над рекою, над полем,
Над крутыми оврагами, в каждом селе
Слышат эту печаль.

— Раскрывайте ворота!..

На богатых токах, на тяжелой земле
Облетает с прозрачных пшениц позолота.
Ветер тащит половицу, свивает в кольцо,
Машет белым платком, валит метлы и грабли,
И пылью золотой жарко дышит в лицо,
И скулит по щенячьему, и плачет по-бабьи.

